Вотъ какъ сталъ онъ собираться домой, жаръ-птиса и говоритъ яму: „Ну, Иванъ хресьянской сынъ, ты для миня дѣлалъ добро, теперь мнѣ-ка нужно для тибя што-небудь сдѣлать. Возьми-ко, — говоритъ:—эвтотъ сундучекъ: я тибѣ яво подарю. Да смотри, не открывай ты эвтотъ сундучекъ дорогой, а когды домой прійдешь, тогды и открой яво!“ Вотъ взялъ Иванъ хресьянской сынъ сундучекъ эвтотъ, роспростился и пошолъ въ путь-дорогу, во своясы.

8. Вотъ и идетъ онъ. Вотъ онъ шолъ, шолъ, а *дивняжно* ишшо до двора; а яво такъ и подмываетъ поглядѣть въ сундучек'отъ. Не мохъ онъ утярпѣть, взялъ да и отворилъ яво. Какъ только отворилъ онъ эвтотъ сундучекъ, и вдругъ увидалъ, што онъ въ большихъ такихъ палатахъ. Поглядѣлъ въ окно и видитъ, што онъ въ городу; а народу видимо-невидимо, кишитъ просто.

Такъ-то и сдѣлался онъ Саремъ и сталъ, значитъ, править эвтимъ восударствомъ. Вотъ когды сдѣлался онъ Саремъ, досталъ тутока отца и мать. И стали онѣ жить да быть, да и топереча живутъ.

---

73. Братъ и сестра.

[Дѣвица съ отрубленными руками].

1. Не въ которомъ сарствѣ, не въ которомъ восударствѣ жилъ былъ купесъ съ купчихой; у ихъ были сынъ да дочь. Вотъ и умерли эвтотъ купесъ съ купчихой, и умирали когды онѣ, дакъ наказывали сыну своему, штобы да онъ почиталъ сестру; по эвтому она набольша осталася. Вотъ и стали эвтѣ братъ съ сестрой жить, и живутъ онѣ сколя — много-мало. А торговалъ эвтотъ купеческой сынъ. И завсегды онъ блавословлялса у своей сестры, когды надо было яму уходить на базаръ. Такъ значитъ и жили онѣ добрымя порядками.

Вотъ одиножды онѣ обѣдали; обѣдаютъ—значитъ—какъ подобаетъ, только эвтотъ купеческой сынъ сидѣлъ, сидѣлъ—за столомъ-то значитъ, да и россмѣхнулся. Вотъ сестра и

спрашиватъ яво: „а што ты, братъ, россмѣялса? у тебя, вѣрно, што-то на умѣ есь?“—И говоритъ онъ сестрѣ своей: „ахъ любезная сестриса! у меня и подлинно есь што-то на умѣ, да не знаю, какъ про то сказать тибѣ“.—„Говори, говори, любезной братесъ, што у тибя на умѣ!“ — „Да я думаю, любезная сестриса, што не худо-бы и жаниться мнѣ: добры люди говорятъ, што пора и пристроиться“.—И говоритъ яму сестра: „оно вястимо такъ, братесъ! не жаниться хорошо, а жаниться лучше тово...“.— „Дакъ што же, поѣдемъ ино свататься!“

Вотъ и поѣхали онѣ свататься.... напередъ значитъ невѣсту выбирать.... Ну, а нявѣстъ, извѣсно дѣло, много—кишмя кишитъ: та хороша, друга лутче ишше; и всяки есь—и *баскія* и богаты.... Вотъ и навялели ему значитъ одну нявѣсту, то-ісь нахвалили, и жанился на ей купеческой сынъ.

2. Вотъ и живетъ онъ съ молодой своей жаной много мало время; ну и ладно на первыхъ-то порахъ. А блавословленье родительско не забыватъ купеческой сынь [?]—всегды значитъ блавословлятса у сестры, когды пойдетъ въ лафку торговать. Вотъ и не злюбись эвто жанѣ-то яво молодой, то-ісь, што онъ блавословлятса у сестры-то.

Вотъ эвта молодая жана проводила одиножды мужа въ лафку и сяла сама подъ окно. Вотъ она сидитъ. А сестра была въ тѣ-поры дома. Вотъ сидитъ эвта молодуха подъ окномъ. Вотъ въ эвто время идетъ нимо окошокъ-те іе хахель (любовникъ значитъ); только значитъ онъ поровнялса съ окошками-то—она и стукъ, стукъ, стукъ яму въ окошко-то: зайди, дескать. Вотъ и зашолъ іе хахель въ горнису.

Сестра увидала яво да и говоритъ: „а ты,—говоритъ:—зачѣмъ суды прикатилса?“ (по эвтому: чаловѣкъ былъ незнакомый).—Онъ и отвѣчатъ ей: „я къ твоему брату пришолъ“.—А сестра и говоритъ опеть: „братъ въ эвто время завсегды бываетъ на базарѣ, и всякъ знатъ, што его *теперечь* дома *нѣтука*“.—И не злюбись эвто сношкѣ.

Вотъ посля, когды придти, значитъ, мужу-ту, она взела, да тихомолкомъ и убила горнешну свою собачку, а сама натерла глаза лукомъ и сяла къ окну—и сидитъ, будьто плачетъ. Вотъ и пришолъ мужъ изъ лафки и увидалъ слезы-то на глазахъ и спрашиватъ: „а о чемъ ты, любез-

ная жена, плачешь?“—И отвячатъ яму она: „да вонъ сестриса-та твоя ужъ не знатъ, какъ досадить мнѣ, дакъ взела да и убила мою собачку! а у меня только и было утѣхи-то, што эвта собачка! Мнѣ всегды скушно бывать безъ тибя, ну я и забавлялась съ собачкой!“—А сама будьто плачетъ. Вотъ мужъ и сталъ значитъ ласкать іе: „не плачь,—говоритъ:—я тибѣ другу, ишше лучши куплю собачку-ту!“

3. Вотъ хорошо. Такъ и прошло эвто дѣло. Онъ не сказалъ, значитъ, и слова сестрѣ, што—зачѣмъ она убила собачку яво жаны. Вотъ на утрѣ, какъ идти яму въ лафку, онъ опеть, значитъ, и блавословилса у сестры и ушолъ.

Вотъ какъ ушолъ онъ, молода яво жена опеть, значитъ, и сяла къ окошку и сидитъ. Вотъ опеть идетъ нимо окошекъ іе *хахель*. Вотъ она опеть и созвала яво. Вотъ и зашолъ эвтотъ хахель, и сидятъ онѣ. Вотъ сестра опеть и увидала яво; какъ увидала, значитъ, ну и спрашиватъ яво опеть: „зачѣмъ,—де-скать:—ишше пришолъ?“—И отвѣчатъ ей эвтотъ хахель опеть: „я,—говоритъ:—къ твоему брату пришолъ“.—И говоритъ она яму: „да вѣдь я,—говоритъ:—въ запрошлой разъ сказала тибѣ, што брата въ эвту пору не бывать дома. У миня,—говоритъ:—не ходи безъ яво, а то я,—говоритъ:—скажу брату!“—И ушолъ эвтотъ хахель.

Вотъ сноха эвта взела да и убила свояво ребенка.—А у ей былъ ребенокъ.—Вотъ какъ убила она ребенка, взяла опеть луку и пушше тово натерла лукомъ сибѣ глаза и сяла опеть и сидитъ—будто плачетъ и убиватса. Вотъ приходитъ мужъ изъ лавки и видитъ, што жена яво пушше ишше плачетъ. Вотъ и спрашиватъ онъ іе: „А што опеть съ тобой, любезна жана, *доспѣлось*?“—„А посмотри-ко,—говоритъ яму она:—што доспѣла твоя-та сестра: вѣдь она и робенка-та моева уходила!“...—И давай сама будто плакать.

4. Посмотрѣлъ онъ: и заподлинно робенокъ убитъ. Огорчилса значитъ онъ Оно и *вястимо*: родно дѣтишшо—какъ не жаль! и чужова жаль!—Вотъ и говоритъ онъ жанѣ своей: „што же,—говоритъ:—я буду дѣлать съ лиходѣйкой сестрой?“—И говоритъ яму жана: „Да запреги лошадь—будьто ѣдешь кататься, ну и возьми іе съ собой; завязи іе въ лѣсъ и убей въ лясу,—да смотри, сердце привязи мнѣ!“

Вотъ онъ взялъ запрегъ лошадь и сталъ звать сестру съ собой кататься. Согласилась эвта сестра, и поѣхали онѣ.

Вотъ ѣдутъ. Вотъ и привезъ онъ эвту сестру свою въ лѣсъ. Вотъ привезъ онъ сестру свою въ лѣсъ и высадилъ іе и говоритъ ей: „Ну, сестра, я много терпѣлъ отъ тибя бѣдъ! Теперечь пришло времечко, и я тибя убью!“

Вотъ сестра и почала яво уговаривать, штобы да онъ не убивалъ іе до смерти:—„Отсяки,—говоритъ:—хоша руки да ноги,—я тогды некуды не уйду!“ — Онъ и говоритъ: „нельзя, сестриса, эвтово сдѣлать: хоша мнѣ-ка и жалко тибя, а боюсь я хозяйки (жаны, тоісь). Она,—говоритъ:—вялѣла мнѣ сердце твое привясти къ ей!“—Какъ разъ на ту пору бяжитъ собака. Сестра эвта и говоритъ яму: „Вотъ, братесъ родной, поймай эвту собаку, убей іе и вынь изъ іе серце и увязи яво къ жанѣ: вѣдь она не узнатъ, како серце!“.

Вотъ онъ поймалъ ту собаку, убилъ іе, вынялъ изъ іе серце, взялъ эвто серце къ сибѣ. Вотъ какъ сдѣлалъ онъ эвто, потомъ отсѣкъ сестрѣ руки да ноги, и оставилъ іе такъ въ лясу, а самъ и уѣхалъ домой. Пріѣхалъ онъ домой и отдалъ жанѣ серце.

5. Вотъ тѣмъ временъ сестрѣ-то и подсобилъ какъ-то Богъ милосливой залѣзти на дубъ.

Вотъ и пошолъ Иванъ Саревичъ на охоту, и идетъ онъ по лясу, а собаки-то яво убяжали, значитъ, попередъ да къ дубу-ту и прибяжали, и ну онѣ лаять на купеческу-ту дочь: а она на дубѣ-то, значитъ, и была на томъ. Вотъ лаютъ собаки. Вотъ Иванъ Саревичъ и прибяжалъ тутока да и спрашиватъ: „Кто тутока? Если старушка сидитъ, дакъ будь мнѣ баушка,—середня дѣвиса, дакъ будь мнѣ тетушка; а если красна дявиса, дакъ будь моя обрушниса!“—И говоритъ яму купеческа дочь: „Нѣтъ, молодесъ, не возмешь ты миня въ супружнисы: я безъ рукъ и безъ нохъ!“—„А увидимъ, красна дѣвиса!“

Вотъ онъ взялъ іе снялъ съ дубу и повезъ во дворесъ. Привезъ онъ купеческу дочь во дворесъ и сталъ говорить родителямъ своимъ: „Вотъ такъ и такъ, тятенька и маменька! я,—говоритъ:—нашолъ вотъ каку находку и обѣшшался взять іе за сибя замужъ. Блавословите, — говоритъ: — тятенька и маменька!“—Вотъ родители-то было почели яво розговаривать; но онъ одно, што „жанюсь!“

Не што дѣлать, дали блавословленье, и жанилса Иванъ

Сареичъ. Ну и, разумно дѣло, пошолъ пиръ на весь міръ. Вотъ какъ жанился Иванъ Сареичъ, ну и сталъ жить со своей молодой, безногой и безрукой, жаной, и сталъ жить то-исть преотмѣнно!

6. Вотъ и спросили Ивана Сареича въ иныя города. Вотъ и поѣхалъ онъ и наказалъ отцу и матерѣ, штобы да берегли яво жану, какъ прежъ яво берегли. Вотъ и уѣхалъ Иванъ Сареичъ, а молода жана осталась дома: по эвтому—она была череваста (т. е. беременна).

Вотъ ужъ время приспѣло родить Саревнѣ. Вотъ родитяли и созвали баушку; а въ баушки-то да и попадись, значитъ, мать снохи Саревниной-то. Вотъ и родила Саревна пернечка [?парнечка], Сареича, значитъ, да такова-то раскрасавчика: полокоть руки въ золотѣ, по колѣны ножки въ серебрѣ, въ лобу красное солнушко, а въ затылкѣ святелъ мѣсяцъ.

Вотъ эвта баушка взела, да и достала шшенка, да и принясла эвтово шшенка ко свекру и свякровкѣ; какъ принясла къ имъ да и говоритъ: „вотъ ково родила ваша сношка!“—(А робенка унясла къ сибѣ домой).

7. Вотъ онѣ взяли да и написали сыну, што „вотъ, дескать, такъ и такъ: твоя супружниса родила шшенка, дакъ што дѣлать съ эвтѣмъ шшенкомъ?“—Вотъ Иванъ Сареичъ и послалъ *имя* отвѣтъ, штобы да нечаво до яво не дѣлали со шшенкомъ. А грамоту-ту эвту баушка-та возьми да и перехвати, да и напиши сама имъ,—отъ яво, значитъ,—штобы да отесъ и мать отпустили яво супружнису въ бочку со шшенкомъ—запячатали бы, значитъ, іе со шшенкомъ въ бочкѣ и отпустили по морю.

Вотъ онѣ, значитъ, получили эвту грамотку, взяли свою сношку да и въ бочку, и шшенка тоже. Въ эвту-жу пору и баушка-та успѣла тихомолкомъ сунуть въ бочку и робенка. Потомъ взяли, значитъ, запячатали эвту бочку да и отпустили іе по морю. Вотъ и поплыла эвта бочка, поплыла да и поплыла.

8. Ну, тамока плавала сколя—много-мало,—вотъ и подплыла эвта бочка къ плотику. А плотикъ эвтотъ былъ старичій—монастырской, значитъ. На эвтомъ плоту въ тѣпоры стариса съ коромысломъ пришла за водой. Вотъ наша Саревна и услыхала, што кто-то есь неподалеку; вотъ и

стала она слезно просить, штобы да іе выташшили изъ бочки-то. Вотъ эвта стариса взела, да и розбила бочку. И вышла наша Саревна изъ бочки и шшенокъ за ей и ребенокъ, да такой-то большой робенок'отъ: онъ не по годамъ, а по чесамъ росъ, какъ пшанишно тѣсто на опарѣ киснетъ.

Вотъ эвта стариса и созвала іе, и съ робенкомъ и со шшененкомъ, въ монастырь жить. Вотъ пришли онѣ въ монастырь и стали жить.

9. Вотъ и живутъ онѣ *дивно* время. Робенокъ выросъ и большой такой сталъ дѣтина, хорошой изъ себя. Вотъ Саревна и здумала идти на свою сторону; роспростилась со всѣмя и пошла со своимъ сынкомъ.

Вотъ онѣ шли много-мало. Вотъ и стали подходить къ восударству, гдѣ-ка жилъ Иванъ Сареичъ. Вотъ и услыхали онѣ, што у Ивана Сареича пиръ: а онъ только-што, значитъ, въ тѣ-поры жанилса и взялъ за сибя снохину сестру—дочь, значитъ, баушки-то.

Вотъ онѣ пришли въ эвтотъ городъ и стали ночевать проспться въ домѣ Ивана Сареича, во дворцѣ значитъ. А какъ людно было тутока, ихъ не пускаютъ слуги. Вотъ сынъ Саревны и говоритъ слугамъ: „скажите,—говоритъ:—Ивану Сареичу, што я умѣю сказки сказывать: можетъ, чесна компанья и послупатъ моихъ сказокъ".—Вотъ и сказали слуги, што молодесъ умѣтъ сказки сказывать. И вялѣли пустить ихъ.

Вотъ какъ пустили, Саревнинъ сынъ и сталъ сказывать, какъ и што было: то ись, какъ яво мать погубила сноха,—ну все про все и розсказалъ. Тогды Иванъ Сареичъ и догадалса про все и вялѣлъ казнить сперва сноху, тутъ баушку. А самъ и сталъ жить съ эвтой жаной да сыномъ. И теперечь, знать, живутъ.